

М.К. Мусаева

**ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ
УКРАШЕНИЯ И КОСТЮМ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
(культурные конфигурации)**

(Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 07-04 -00204а)

В последнее время в отечественной науке становится все более явной определенная условность разделения культуры народа на материальную и духовную, результатом чего является интерес специалистов не только к изучению сугубо утилитарной сферы применения элементов материальной культуры («вещеведению») (Токарев С.А., 1970. С. 4–16), но и к изучению проблем глубинных аспектов функционирования, знаковости, информативной нагрузки («языка») вещей, которые они несут в традиционной бытовой сфере (в ритуале, этикете, мифологии и т.д.) (Байбурин А.К., 1989). Отсюда – необходимость изучения элементов «определенной» культуры в неразрывном единстве, в контексте целостной картины мира того или иного народа.

Возможно, в связи с недостатком специализированных средств, обеспечивавших циркуляцию информации в обществе, в Дагестане в прошлом традиционно каждый элемент культуры использовался гораздо полнее, с большей нагрузкой, чем в современном обществе. Как пишет один из ведущих специалистов в области семиотики материальной культуры А.К. Байбурин, в качестве семиотических средств используются не только язык, миф, ритуал, но и утварь, жилище, пища, одежда, украшения и т.п. Все эти культурные символы обладают единой и общей структурой значений, благодаря чему возможны цепочки соответствий самых различных конфигураций (Байбурин А.К., 1989. С.71).

Именно цепочки структурных значений культурных символов будут интересовать нас в этой статье. Проблему детских украшений с точки зрения функций, которые они выполняют в культуре в целом и жизни ребенка, в частности, нельзя рассматривать отдельно от социокультурных, эстетических и художественных функций народного костюма. По народным представлениям, прикрывая от «злых сил» потустороннего мира наготу, одежда, так же как и украшения ребенка защищала его природные данные.

В традиционной культуре, и особенно в той ее сфере, которая связывается с миром и этнографией детства, украшения – это не только предметы ювелирного искусства. К ним можно отнести:

– украшения, сделанные из самых разных материалов, а не только как мы привыкли считать, из драгоценных металлов. Они декорировали материальный мир ребенка: тело, одежду, люльку и т.д.

– апотропейные предметы, которые в виде амулетов и талисманов, по народным представлениям, оберегали жизнь и душевное состояние ребенка, особенно на раннем этапе его развития;

– украшения-предметы искусства, позволявшие сопоставлять художественные особенности и стилистику рассматриваемых комплексов артефактов с опре-

деленными типами целостной картины мира, с культурно-историческими формами развития социума.

Некоторые украшения одежды имели и утилитарное значение – служили для хранения мелких предметов, различных амулетов. Как считают исследователи, «украшения выполняют важную прикладную функцию. Они не просто символизируют что-то, но активно организуют, выстраивают человека в соответствии с общей системой мироустройства, оформляют первичную (условно существующую в сознании) человеческую бесформенность и хаотичность, определяют топографию человеческого тела, гармонизируют, дают структуру телесно-душевной сущности человека» (Гамзатова П. Р., 2004. С. 53).

«В недавнем прошлом, – пишет П.Р. Гамзатова, – украшения рассматривались преимущественно, с точки зрения их технического совершенства и уровня развития ремесла. Тем самым, во многом исключался культурно-антропологический подход, анализ идеологических основ этого вида искусства, а именно его самоидентификационные и гендерные аспекты, связанные с теорией телесности, эстетического и философского освоения человеком своего тела и пространственных структур, самопозиционирования личности в социальном и культурном пространстве» (Гамзатова П.Р., 2007, С.292).

У истоков современного изучения символических функций вещей стоят, изданные в 1920–1930 гг. на европейских языках работы П.Г. Богатырева. Изучая функциональные характеристики традиционного костюма Моравской Словакии, он пришел к заключению, что в принципе любая вещь обладает несколькими функциями, среди которых есть как утилитарные, так и символические (эстетическая, магическая, функция обозначения сословной или региональной принадлежности) (Богатырев П.Г., 1971. С. 363.). Привлекает внимание следующее, весьма важное, на наш взгляд, замечание П.Г. Богатырева: «При изучении магических действий и обрядов можно установить, что целый ряд предметов приобретает магические свойства после и в силу совершения над ними действий, сводящихся к формальным законам подобия и контакта. Однако есть предметы, обладающие этими свойствами независимо от магических действий; это – самые привычные предметы – стол, хлеб, чеснок, вода, железо и т.д. Независимая магическая сила не всегда приписывается предмету потому, что он употребляется при мотивированном магическом действии; скорее наоборот: сначала предмет награждается независимой сверхъестественной силой...» (Богатырев П.Г., 1971. С. 201).

Как подтверждение этому, в данной статье предполагается рассмотреть традиционные для разных народов Дагестана детские украшения и предметы одежды, которые считались в силу некоторых ожидаемых функций необходимыми деталями повседневной детской жизни, буквально с момента рождения. П.Р. Гамзатова отмечает, что «... анализируемый в контексте широкого круга фольклорных явлений, данный вид народного прикладного искусства особенно способствует выявлению самоидентификационных парадигм, особенностей самопозиционирования, связанных с мировоззренческим освоением человеком, как своего тела, так и пространства в целом. Одной из базовых концептуальных основ подобных исследований служит теория художественно-исторических слоев и культурных напластований» (Гамзатова П.Р., 2006). Данный подход служит основой для рассмотрения культурных конфигураций украшений детской и подростковой одежды народов Дагестана.

Прежде всего, как было отмечено, сама одежда – одно из важнейших достижений культуры, также выполняла функцию украшения человека. Охраняющие, апотропейные свойства человеческой одежды отчетливо проявляются в поверьях. По народным представлениям, одежда должна скрывать природность человека, его половую силу. Именно в связи с этим ритуальная обнаженность использовалась в обрядах аграрного цикла (обычно в весенних обрядах, посвященных проведению первой борозды), в которых требовалось «излучать», экстраполировать во внешний мир свою магическую силу плодородия и плодовитости. С точки зрения традиционных народных представлений, отсутствие одежды на теле вне определенного ритуала считалось чрезвычайно опасным, т.к. тело было открыто нежелательным магическим воздействиям. Одежда опосредовала, регламентировала связи человека с природой и обществом. Одежда служила, по представлениям некоторых народов Дагестана, средством для сохранения счастья, благодати конкретного человека, которые могли уходить через оголенные участки тела.

Поскольку в народных представлениях одежда, непосредственно прилегающая к телу человека, отождествляется с человеком, носящим ее, считается его неотторжимой частью, уподобляется ему, это не могло не отразиться на ряде поверий и предписаний. В частности, у народов Дагестана считалось, что, если утром рубашку надел наизнанку, день начнется с конфликта с близкими родственниками или соседями (следовало ее тут же снять, вывернуть и несколько раз шлепнуть рукой и только после этого надеть опять); считалось, что детскую одежду нельзя выворачивать наизнанку ни при стирке, ни при сушке, нельзя также оставлять ее на ночь под открытым небом, особенно в полнолуние – в одежду могут забраться различные «потусторонние» и «злые силы».

Свидетельством тому, что одежда, по народным представлениям, выступала символическим заместителем своего хозяина, могут служить известные во всем Дагестане манипуляции с тайно добытым кусочком ткани от одежды человека (желательно с изнанки подола), подозреваемого в «сглазе» ребенка: ткань с молитвами поджигали и держали «больного» над дымом, «обкуривали».

Одежда представлялась не только внешним покровом тела, но и его продолжением. Считали, что с передачей одежды другому человеку ему как бы передается часть личности ее владельца. Бездетная женщина держала под подушкой рубашку или головной убор (платок, чухту) многодетной, чтобы перенять ее детородные способности. Часто болеющему ребенку практически у всех народов Дагестана шили рубашку из семи или девяти лоскутов ткани, собранных в разных домах, где росли здоровые дети, чтобы их жизненная сила распространилась на ослабленного ребенка.

Если родители хотели, чтобы следующий ребенок был мальчиком, то новорожденного заворачивали в старую мужскую рубашку. Вообще детское белье готовили из чистого, но уже ношеного платья взрослых. Таким образом, через посредство старой одежды начинался довольно длительный процесс инкультурации новорожденного, его «очеловечивание». В частности, исследователи отмечают, что старые поношенные вещи воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому (*Байбурин А.К.*, 1993. С. 45).

Одежда рассматривалась и как знаково-трансформационный комплекс, с помощью которого осуществлялись взаимопревращения обитателей двух миров, обязательно существовавшие в мифо-поэтическом сознании народов. Практически у всех народов Дагестана есть похожие сказки, где главной героиней является

красавица-голубка, которая не может обернуться вновь птицей, не надев припрятанную джигитом (принцем) одежду (Морской конь, 1999. С. 90). Это та «граница» различных измерений (человеческий мир или мир потусторонний), через которую, одеваясь или раздеваясь, становилось возможным перемещаться, т.е., если человеку одежда нужна, чтобы вернуть свой человеческий облик, то мифическим существам – для того, чтобы обрести свои потусторонние черты, вернуться в «иной» мир. Те же сказки и мифы показывают, что в случае необходимости живой человек мог трансформироваться в обитателя потустороннего мира в результате определенных манипуляций с одеждой. Одежда, по народным представлениям, – наиболее доступный и весьма эффективный для этого объект.

Помимо этого огромное значение придавалось узлам и петлям на одежде. Дело в том, что узлы и петли у многих народов использовались в качестве оберегов. Проблема «охраняющих», «запирающих» или наоборот «отпирающих», открывающих свойств узла хорошо разработана в литературе (Толстой Н.И., 1995. С.234–242; Лавонен Н.А., 1977). Наиболее иллюстративен в этом отношении материал родильной обрядности, в частности, народов Нагорного Дагестана. Известно, что на одежде роженицы, повитухи и других женщин, присутствовавших при родах, развязывали все узлы, а роженице распускали волосы (Мусаева М.К., 2006. С. 42–43). В силу этих и множества других существовавших представлений и поверий, ребенка с момента рождения нужно было держать завернутым, т.е. одетым.

Детская одежда имела выраженные возрастные особенности: грудные дети, как правило, нуждались в тепле, поэтому их заворачивали не только в куски ткани или старую одежду взрослых, но и в коротко подстриженные, мягкой выделки шкуры (чаще козлячьи) мехом внутрь. Из таких же шкур потом пяти – шестимесячным детям шили, независимо от пола, длинные туникообразного покроя овчинные платья, повторявшие по фасону известные старинные, которые имели в очень далеком прошлом почти повсеместное бытование. Детям такого же возраста у бежтинцев, гунзибцев, генухцев вязали курточки, штанишки и даже нечто, напоминавшее комбинезон (с дырой в паховой области), из ярких шерстяных ниток. С того времени, как дети начинали ходить, и до пяти лет им шили одежду, которая по фасону в целом напоминала взрослую одежду. Эта одежда не всегда подчеркивала пол ребенка из-за того, что одежда была комбинированной – платья-рубашки, безрукавки (из женского гардероба), штанишки, курточки (из мужского), обувь – уменьшенная копия мужских и женских. По головному убору и по цветовой гамме одежды можно было определить пол в теплое время года: девочки носили платочки, повязанные на спине крест-накрест; мальчики – овчинные или матерчатые шапочки, иногда поверх платка. Символическая значимость одежды в мифологической традиции определялась еще и тем, что в ней нашла свое воплощение система взглядов и представлений о мире и мироустройстве. Представляется возможным говорить о космической топографии народного костюма: одежда как бы являла собой космический слепок в микрокосме человека – в ней также имеется свой центр, середина, верх и низ.

Средоточием жизненной силы, символом зарождения, жизненности считалась область пупка (пуповина). Маркировали эту телесную середину вещественным аналогом – поясом, который в Дагестане часто украшали серебряными и позолоченными бляхами. Со временем к поясу мальчика подвешивали маленький кинжал, который до совершеннолетия обычно был имитацией – его мастерили из дерева. Прямое платье девочек также, как правило, подвязывали пояском, или

платье девочки имело отрезную талию. В Западном Дагестане, где проживает множество малочисленных андо-цезских народов, почти у всех, за исключением ботлихцев, ахвахцев, каратинцев, туникообразные платья у женщин подвязывались кушаком. Причем у хваршин, годоберинцев, багулал, чамалал женщины подвязывались кушаком только красного цвета; у дидойцев молодые женщины и девушки – в подавляющем большинстве красным, а старухи – белым. У бежтинских, арчинских женщин кушак мог быть любого яркого цвета, но преимущественно красным. Для гунзибских женщин было важно, чтобы пояс только отличался от цвета платья. Исследователи считают, что матерчатый пояс являлся неотъемлемой частью как будничного, так и выходного костюма горянок, платье которых имело в старину туникообразный покрой, хотя к исследуемому времени у многих народов Нагорного Дагестана он и вышел из употребления (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. С.77), т.е. не был узколокальным явлением в Дагестане. Причем он имел определенные утилитарные функции – у хваршин пояс-кушак (*оцолгу*) в женской одежде выполнял роль карманов, за ним девушки, женщины хранили мелкие вещи (*Мусаева М.К.*, 1995. С.59), у дидойцев женский пояс (*ашуни*) на конце делался в виде мешка, которым прикрывали ноги во время молитвы, как положено по шариату. Наличие такой детали на поясе позволяло дидойке совершать намаз в любой обстановке (*Лугуев С.А.*, 1988. С. 126).

Аналогичные пояса-кушаки были известны и в других областях Кавказа (Грузии, Армении) (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. С. 73). Несомненным признаком древности происхождения пояса является его использование в обрядовых действиях (*Мусаева М.К.*, 1995. С. 98).

Отделанный серебром или с серебряной пряжкой пояс был необходимым элементом женского костюма у кумыков, азербайджанцев, некоторых народов лезгинской группы, у части аварцев и даргинцев. Соответственно его обязательно носили девочки-подростки, представительницы названных народов. Середина платья (а значит и – тела) женщин у некоторых народов (табасаранцы, цахуры) подчеркивалась нарядными фартуками (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. С. 127-128).

По народным представлениям, пояс стоял в ряду тех знаковых элементов, которые отделяли и оберегали человека от всех других существ, от внешнего мира. Опоясанность являлась универсальным оберегом, постоянным магическим кругом, «внутри» которого человек чувствовал себя в безопасности (ср. очерчивание вокруг себя круга при опасности в сказках разных народов; или «руки в бока» при решительных действиях у женской половины человечества). На примере славянской традиции Н.И. Толстой пришел к выводу, что «глубинная семантика пояса заключается в силе, прежде всего, в силе рождающей, детородной; как частное проявление этой силы выступает мужская сила, сила зарождающая» (*Толстой Н.И.*, 1995. С.111). Пояс, по народным представлениям, может быть силой, противостоящей нечистой силе и болезням, он наделен охранительными, апотропейными свойствами.

Настоящим нарядным поясом, изготовленным с применением драгоценных металлов, украшали платья девушек, достигших совершеннолетия, во многих материально и социально благополучных семьях народов Дагестана. Необходимым подарком к совершеннолетию сыновей, независимо от социального и материального положения семьи, являлся и мужской пояс с кинжалом. Во многих семьях в Дагестане могли пожертвовать последним эквивалентом богатства ради хорошего пояса и кинжала для сына. Таким образом, пояс в данной ситуации маркировал

вхождение молодого поколения в мир социума, подчеркивал возрастной статус, причем, его ношение считалось обязательным. Мальчики получали поясной комплект, когда впервые получали допуск в общество.

Являясь серединой, пояс как бы делит одежду человека на «верх» и «низ». Таким образом, в нижней части туловища, соответственно и костюмного комплекта, оказываются подол, полы одежды, условно говоря, «ноги» и обувь. В традиционных народных представлениях прослеживается семантическая связь подола женской одежды с «производительным низом», рождающим и исцеляющим началом. Находясь в нижней части микрокосма человека, подол соотносится с нижним миром макрокосма. Возможно, с этим связано то значение, которое придавалось у народов Дагестана украшению подола платья. У народов Нагорного Дагестана, где бытовали туникообразные платья, которые следовало носить, заправив с боков в штаны так, что была видна изнаночная сторона платья, – подол с изнанки украшали вышивкой. Такие платья, точные копии взрослых, но из более яркой ткани, девочки носили уже с десяти – двенадцати лет. У народов Западного Дагестана к подолу и взрослому, и детского платья по кругу пришивали мелкие монеты или круглые бляшки из серебра. Кроме этого, подол платья любого фасона окаймлялся широкой полосой ткани: красной, желтой, зеленой. Красной тканью обшивался подол женского платья у хваршин, гунзибцев, гинухцев (*Мусаева М.К.*, 2003. С.70). У аварцев с. Ругуджа (совр. Гунибский р-он) самым нарядным платьем считалось т.н. «*кьихъ басараб гурде*» («платье с вышитым подолом»). Шили платье из дорогого шелка (*дарай*) фиолетового или ярко-зеленого цвета. Вышивали подол золотыми и цветными шелковыми нитками. Такие платья носили девочки-подростки в состоятельных семьях, считалось, что такая яркая вышивка оградит их от сглаза.

На противоположном полюсе человеческого микрокосма, в верхней его зоне, находятся голова, волосы и прикрывающий их головной убор. В мифопоэтическом сознании волосы воплощают непреодолимую силу роста. Волосам, особенно женским, приписывали колдовские силы, их использовали для различных магических действий, с ними связывали обилие, плодородие, плодоносную, сексуальную силу. Вполне естественно, что эти представления переносились и на головной убор. Возможно, именно в силу этого женские головные уборы народов Дагестана так многообразны, оригинальны, они весьма красочно дополняли костюмный комплект (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. С. 91-103). Помимо этого, головные уборы женщин Дагестана выполняли этнодифференцирующие и этномаркирующие функции – именно по головному убору с первого взгляда можно было определить, в каком обществе или владении проживает женщина, а по некоторым головным уборам – каков ее статус в обществе.

Итак, сделанная по правилам и правильно носимая одежда служила одним из значимых атрибутов человека. Одежда ребенка стояла в ряду символов, отделявших и защищавших его от опасностей внешнего мира (как реальных – связанных с природой, погодой и т.д.; так и ирреальных – связанных с различными мифопоэтическими представлениями), являлась своего рода защитной культурной оболочкой.

Следующим пластом, который был предназначен усилить «охранную» функцию детской одежды, были ее украшения.

Все они по назначению и способу ношения условно делились на головные, нагрудные, поясные и украшения для рук. Украшения детской одежды делались из самых различных материалов. Располагались они на детской одежде с учетом

вышеобозначенных микрокосмических представлений – верха, середины и низа.

Верх, т.е. голову ребенка, независимо от пола, до двух-трех лет повязывали платком, четко фиксируя шею. На мальчика поверх платка могли надеть чепец из овчины (мехом внутрь) или войлока, или шапочку (*такъия*) из ткани (яркой золотой парчи, бархата, плотного шелка, атласа), напоминавшую по форме среднеазиатскую тюбетейку, но с более высокой тульей и часто с круглым плоским доньшком. У аварцев с. Ругуджа существовало специальное украшение из серебра или мельхиора, которое пришивалось на макушке куполообразной тюбетейки. Почти такое же украшение, но несколько меньших размеров (круглая серебряная бляха с подвесками на длинных цепочках с филигранной фигуркой птички), известно у кумыков с. Башлыкент (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. Таб. 18. №2).

Особенно нарядными были детские тюбетейки предгорных даргинцев и кумыков (с.с. Губден, Гурбуки, Карабудахкент и др.). Они украшались галуном, золотой или серебряной канителью, узорной цветной строчкой. У северных кумыков бытовали четырехгранные, высокие сужающиеся кверху, с четырехугольным доньшком детские шапки. К их макушке пришивали кисти из золотых ниток, тканые или вязаные узорные фигурки из золотой канители. Все четыре грани шапочек покрывались вышивкой или обшивались золотым галуном. У хваршин (одного из народов Западного Дагестана) мальчики, особенно единственные, носили глубокие тюбетейки, по фасону напоминавшие ночные шапочки взрослых, но сшитые из семи лоскутов крашеной бязи, от сглаза (*Мусаева М.К.*, 1995. С. 64). Очень интересная шапка обнаружена С.Ш. Гаджиевой у дидойцев: «Шили ее из одноцветной темной ткани, на плотной ватной основе; с боков и с затылка шапочки свисала в виде накосника специально пришитая к шапочке полоска ткани. Накосник расширялся книзу, благодаря вставленному клину из красного кумача. Шапочку украшали камешками, ракушками и бляхами, имеющими в ряде случаев значение амулетов. Шапочку носили мальчики от двух до пяти-шести лет» (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. С. 52). На шапочки также пришивали различные предметы, которые считались оберегами. Чаще всего это были раковины каури, монеты с изображением двуглавого орла, глазчатые агатовые и сердоликовые бусины. Очень почитались на детских шапочках узоры в виде треугольников или спиралей, выложенные из финиковых косточек. Здесь мы видим синкретизм языческих (узор в виде солярных знаков) и исламских (финик – продукт, ассоциировавшийся с Аравией) воззрений, работающий на одну цель – охрану ребенка от вредоносного внешнего влияния.

Помимо шапочек, на маленьких детей обоего пола поверх платка надевали налобные повязки, которые предназначались для придания правильной формы голове и лбу ребенка. Налобные повязки девочек, иногда и мальчиков, расшивали разноцветным бисером, украшали яркой шерстяной или шелковой вышивкой. Орнаментальные мотивы были очень просты – спирали, змейки, треугольники, стилизованные кисти рук, которым, несомненно, приписывались оберегающие свойства. В частности, С.Ш. Гаджиева описала лакский головной убор мальчика до двух-трех лет, который «представлял собой длинную, узкую полосу... , обычно из бязи, с широкими завязками. Лицевая сторона части головного убора, которая приходилась на лоб и темя, покрывалась нашивками из разноцветных кусков шелковых (парча, тафта, атлас) или хлопчатобумажных тканей, а также узорной строчкой» (*Гаджиева С.Ш.*, 1981. С. 53). Скорее всего, здесь речь идет именно о налобной повязке, которая имела распространение и у других народов Дагестана.

С возрастом девочки начинали носить такие же головные уборы, что и взрослые, только сделанные из более дешевых тканей и украшенные менее затейливо. В частности, в с. Кубачи покрывало девочки (*кIаз*) всегда делалось из дешевого ситца или кисеи, а бахрома из золотых ниток, которая была обязательна для головного покрывала взрослой женщины, заменялась на бахрому из самой ткани покрывала, а вместо тесьмы нашивалась шелковая кайма ярких цветов. Возрастные особенности не проявлялись только в декоративных сюжетах покрывала – оно вышивалось мелким растительным, зооморфным орнаментом или стилизованной арабской вязью. Однако в отличие от покрывала взрослой женщины головное покрывало девочки вышивалось простыми цветными или шелковыми нитками, а не серебряной или чаще золотой канителью. Возрастные особенности проявлялись и в головном уборе (*чухта*) аварок общества Корода. В отличие от убора женщины, чухта девочки имела особое украшение, которое при надевании убора на голову откидывалось назад и придерживало наспинную часть чухты (Гаджиева С.Ш., 1981. С. 107).

В микрокосмических представлениях о теле, конечно же, самое важное место отводилось середине, поскольку, по народным представлениям, именно здесь находились самые важные для жизнедеятельности человека органы, которые надо было тщательно оберегать, прикрывая и украшая одеждой и ее нагрудными составляющими. Именно по этой причине обязательным атрибутом одежного комплекта ребенка были всевозможные стеганые бешметы и безрукавки с застежками на боку или на плечах, плотно прикрывавшие спину и грудь ребенка. Эти места, по народным представлениям, нуждались в особой защите. Возможно, поэтому для шитья детской одежды, особенно безрукавок, использовались такие же яркие и нарядные ткани, как и для тюбетеек. Их обычно украшали различной вышивкой, обшивали галуном и золотой или серебряной канителью. Атласные или шелковые бешметы и безрукавки расшивали разного цвета треугольниками из более плотной, но нарядной ткани. Но особенно важным считалось украсить так называемые «слабые места» – у мальчика на левом плече и на спине; у девочки в области левой груди и правого плеча – всевозможными амулетами и оберегами. В качестве таковых использовались самые разные предметы, которым народная молва приписывала сверхъестественные и оберегающие свойства. В частности, практически у всех народов магические свойства приписывались айвовым веточкам, поэтому отдельные бусинки, сделанные из айвовых веточек, или даже просто небольшую веточку айвового дерева пришивали на безрукавку ребенка. Иногда эти веточки вкладывали в нарядные, украшенные вышивкой и всевозможными бусинками маленькие мешочки, которые пришивались, а позже прикалывались к одежде ребенка. Дополнительно следует отметить, что айвовые веточки для производства бусинок следовало заготовить, соблюдая определенные правила, иначе они могли потерять приписываемые им особые свойства. У ногайцев, например, это делал рано утром дедушка ребенка; у аварцев – в полдень молоденькая девушка-соседка.

Такие же магические, оберегающие душу и тело ребенка или придающие детям особые качества возможности приписывались отдельным косточкам, клыкам и лапам некоторых птиц и животных. Особую куриную косточку или волчий клык частенько вшивали в ткань одежды ребенка или же клали в нарядный мешочек и прикалывали или пришивали к спинной или грудной части детской безрукавки или бешмета. То же делали с высушенной лапой орла. В применении этих пред-

метов для украшения и придания особых свойств одежде используется известный и очень хорошо описанный Фрезером, вид магии – магия подобия. Под воздействием этих предметов ребенок, по народным представлениям, должен был приобрести качества, заранее заданные: быть всегда здоровым, храбрым, мудрым, зорким и т.д.

Эти же «слабые места», отмеченные выше, «закрывали» при помощи украшений из серебра – блях и пластинок с изображением солярных знаков, которые наносились при помощи известной ювелирам техники – чернения.

Костюм ребенка, который, как правило, шили из самых ярких тканей, какие в то время можно было приобрести, пестрел от многочисленных бархатных и парчовых треугольничков с вшитыми в них молитвами, которые должны были оберегать детей от «дурного глаза», тревоги и нервозности. У девочек эти матерчатые треугольники дополнительно декорировались – к ним пришивались мелкие монеты, серебряные пластинки и бляхи.

У аварцев бытовали специальные подвески – полые серебряные трубочки на цепочках, в которые вкладывались, оберегающие молитвы, которые затем пришивались на одежду. К детским нагрудным украшениям можно также отнести различные ожерелья с монетами или серебряными «семечками», которые пришивались по контуру ворота или на уровне груди к безрукавке или платью девочки в горном Дагестане.

Украшением для безрукавки девочки у кумыков, ногайцев, дагестанских азербайджанцев, терекменцев служили позолоченные или черненные застёжки-обманки в виде турецких огурцов или кинжальчиков, которые отличались от настоящих взрослых украшений (*къаришумалар* или *гъамарча* – кум.) только размерами.

Как правило, все ювелирные украшения, использовавшиеся для украшения детской одежды, имели или специальное предназначение или были приспособлены как детское украшение. Это были в достаточной степени, профессионально изготовленные предметы, из драгоценных металлов, чаще всего из серебра, иногда с позолотой или чернением.

У многих народов Дагестана, особенно равнинной части, излюбленным мотивом для украшений-подвесок, предназначенных для детской одежды, являлись символы исламской религии – полумесяц со звездой, часто с позолотой, очень редко из золота. В горной же части Дагестана, особенно у аварцев, даргинцев, лакцев, эта символика имела меньшее распространение – здесь были популярны серебряные бляхи с изображением солярных знаков.

В высокой степени оберегающие от «сглаза» и других вредоносных действий свойства приписывались украшениям, которые надевали детям, начиная с младенческого возраста, при этом независимо от пола – на запястья обеих рук. В горах Дагестана (у аварцев, даргинцев, лакцев) дети часто носили браслетики из бусинок, сделанных из того самого, уже отмеченного выше айвового дерева. Самыми популярными, бытовавшими практически у всех народов считались украшавшие запястья ребенка, независимо от пола, браслетики из коралла, реже из бирюзы, жемчуга и янтаря. У аварцев, даргинцев для девочек пяти-шести лет специально мастеру-ювелиру заказывали уменьшенные копии взрослых украшений, чаще всего это были легкие серебряные браслеты с чернью, к которым прикрепляли тонкие цепочки, сходящиеся как лучи на колечке. Это колечко в комплекте, рассчитано, как уже было сказано на маленьких девочек. Девочкам постарше не полагалось украшать пальцы кольцами. Их носили только уже засватанные де-

вушки. А у некоторых аварцев, например, даже подаренное женихом кольцо (обычно оно входило в подарки для невесты при сватовстве) было не положено носить до самого замужества.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые аспекты культурной конфигурации детских и подростковых украшений народов Дагестана. Из вышеизложенного следует отметить, что к украшениям можно отнести не только изделия художественного промысла или произведения искусства, но еще и одежду, которая, прикрывая природную наготу ребенка, формировалась соответственно системе взглядов и представлений о мире и мироустройстве со своим центром, серединой, верхом и низом; а также различные, пришитые, вшитые или приколотые к одежде в т.н. «слабых местах» предметы, которые защищали от влияния потусторонних сил и украшали его тело.

БИБЛИОГРАФИЯ

Токарев С.А., 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4.

Байбурун А.К., 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.

Байбурун А.К., 1993. Ритуал в традиционной культуре. СПб.

Богатырев П.Г., 1971. Вопросы теории народного искусства. М.

Гаджиева С.Ш., 1981. Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX в. М.

Гамзатова П.Р., 2004. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. М.

Гамзатова П.Р., 2006. План – проспект исследования. М.

Гамзатова П.Р., 2007. Женские украшения Северо-восточного Кавказа. К вопросу о перспективах культурно-антропологического анализа художественно-стилистических традиций//Материалы международной научной конференции «Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала.

Лавонен Н.А., 1977. О древних магических оберегах // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.

Лугуев С.А., 1988. Одежда дидойцев (XIX – нач. XX в.) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала.

Морской конь, 1999 //Аварские народные сказки (100 лучших аварских сказок). Репринтное издание книги 1972 г. Махачкала.

Мусаева М.К., 1995. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Мусаева М.К., 2003. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана. Панорамный обзор. Махачкала.

Мусаева М.К., 2006. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала.

Толстой Н.И., 1995. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.